

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ФИЛОЛОГИИ XXI ВЕКА:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**Материалы Всероссийской молодежной конференции
23–25 августа 2012 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012

Рентген – Перен. Изучение положения дел в политике, экономике с целью обнаружения скрытых проблем. «*Российской политике нужен рентген!*» (из газет).

Таблетка – Перен. Средство, способ решения проблемы, улучшения ситуации. «*Пять таблеток предложил Дмитрий Медведев мировым финансовым рынкам*» (из газет).

Чирей – Перен. Разг. Обнаружившаяся проблема. «*Пока областные власти заняты борьбой с городскими, они не замечают «чирей» на своей шее*» (из газет).

Авторы публицистических текстов не ограничиваются кодифицированными лексемами метафорического поля болезни. Словари фиксируют переносное значение лишь малой части единиц, относящихся к данной лексико-семантической группе. Стоит отметить, что стремление закрепить подобные семантические сдвиги свидетельствует о наличии у ряда слов яркой стилистической окраски, об их частотном употреблении. Это связано с закономерностями развития общественно-политической лексики, которая испытывает значительное экстралингвистическое воздействие. Таким образом, возможности концептуализации мира посредством данной когнитивной метафоры становятся неограниченными, а языковые средства ее репрезентации разнообразными, обладающими яркой оценочностью и живой образностью.

Примечания

¹ *Краткий словарь когнитивных терминов.* / сост. Е.С. Кубрякова и др. – М., 1997.

² *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного и бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – С. 291–292.

³ *Солганик Г.Я.* Язык современной публицистики. – М., 2007.

ТВОРЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ СКАЗКИ Э. Т. А. ГОФМАНА «NUSSKNACKER UND MÄUSEKÖNIG» В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Н.В. Литвякова, ТГУ, аспирант
Научный руководитель – О.Б. Лебедева

В конце XIX века многие педагоги отмечали нехватку произведений для детского чтения в русской литературе. Пытаясь восполнить этот недостаток, отечественные детские писатели часто брали в качестве образца произведения иностранных авторов, в результате чего на книжном рынке и страницах детских журналов появляется множество переделок и переложений зарубежной детской прозы.

Другая причина активного творческого освоения сказочного наследия Э.Т.А. Гофмана в России – формирование жанра рождественского (святочного) рассказа, у истоков которого были, в том числе, сказки Э.Т.А. Гофмана «Nussknacker und Mäusekönig» и «Meister Floh». Как утверждает О. Тиманова, «к концу XIX – началу XX столетия в России не остается практически ни одного писателя, не представившего своей вариации святочно-рождественского («елочного») либо пасхального текста»¹.

Почва для восприятия традиций именно гофмановских сказок была подготовлена большим количеством их переводов на русский язык. До революции 1917 года в России вышло 11 переводов сказки «Nussknacker und Mäusekönig»: перевод В. Бурнашева (1835), анонимный перевод (1835), переводы И. Безсомыкина (1836), Н. Кетчера (1840), А. Соколовского (1873), С. Флерова (1881), З. Журавской (1894), анонимные переводы (1898, 1899), перевод А. Петровского (1912).

Уже в первой половине XIX века реминисценции на сказку о Щелкунчике можно обнаружить у А. Погорельского и В. Одоевского, в конце XIX века мотив оживших игрушек использовал в своей сказке А. Толстой, а в начале XX века к сказке Э.Т.А. Гоф-

мана «Nussknacker und Mäusekönig» неоднократно обращаются авторы, которые на сегодняшний день едва ли известны читателям. Их произведения представляли собой либо переделки, либо подражания. Различия между двумя этими способами освоения иноязычного произведения русский драматург и переводчик И.В. Лукин определяет так: «подражать – значит брать или характер, или некоторую часть содержания, или нечто весьма малое и отделенное и так несколько заимствовать; а переделывать – значит нечто включить или исключить, а прочее, то есть главное, оставить и склонять на свои нравы...»².

Как переделку сказки Э.Т.А. Гофмана «Nussknacker und Mäusekönig» следует рассматривать сказку «Принц Щелкун и принцесса Орешинка», опубликованную в издательстве Товарищества И.Д. Сытина в 1912 году с подзаголовком «Сказка для детей среднего возраста»³. Автор неизвестен, но в общих чертах произведение очень напоминает вставную сказку «Das Märchen von harter Nuss». Сходство с гофмановской сказкой «Nussknacker und Mäusekönig» проявляется на уровне сюжета, можно также найти много текстологических параллелей.

Автор «Принца Щелкуна» одомашнивает сюжет немецкой сказки, добавляя типичный для русских сказок зачин: «*Далеко-далеко, за синими морями, за высокими горами жили-были царь Дидон и царица Невзора*» и элемент концовки: «*... и стали они жить да поживать*».

Исходная ситуация осложнена бездетностью царской четы. В то же время очень многие детали «списаны» с гофмановской сказки: царский пир, королева у плиты, съевшие все сало мыши, досада опозоренного короля, истребление мышей с помощью мышеловки, которую в сказке «Принц Щелкун и принцесса Орешинка» выдумал «какой-то захудалый столяришка» (ср. придворный чудодей Дроссельмейер), угроза мышиною царицы отомстить за погибших детей. Расхождение со сказкой Гофмана заключается в том, что царица мышей Лизоблюдка превращает принцессу в маленькую зеленую орешинку до тех пор, пока ее кто-нибудь не раскусит. Через 12 лет поисков гонцы покупают деревянного Щелкуна, который и возвращает принцессе прежний облик, а сам так и остается игрушкой. Далее образ Орешинки переключается не с образом принцессы Пирлипат, а с образом Мари: ночью к принцессе является семиголовый сын Лизоблюдки, который хочет увести ее с собой и сделать своей женой. Щелкун во главе армии игрушек пытается спасти принцессу Орешинку.

В русской переделке меняется облик волшебной страны, куда принц увозит героиню: у Гофмана это царство сладостей, так любимых детьми, а автор переделки поселил героев в царстве Радостном, «*в бирюзовом дворце, с изумрудными полами и алмазными окнами*». Таким образом, вечным спутником радости и веселья становится богатство, в то время как у романтика-Гофмана такая развязка могла быть возможной лишь в ироническом ключе. В противовес Мари, нашедшей свое счастье в сказочной стране с марципановыми замками, принцесса Орешинка лихо разъезжает на волшебной колеснице из Радостного царства к родителям в реальный мир и обратно. При этом ее восприятие реального мира заключено в финальной фразе: «*Скучно у вас*».

Различного рода реминисценции на сказку Гофмана «Nussknacker und Mäusekönig» можно обнаружить в многочисленных подражаниях. В них можно обнаружить как персонажей сказки Э.Т.А. Гофмана (Щелкунчик, Мари, Фриц Штальбаум), так и отдельные мотивы (ожившие игрушки, битва с мышами, царство сладостей, внезапное пробуждение после чудесного сна, похожего на явь).

Образ деревянной игрушки-щелкунчика использует поэт, писатель и переводчик Сергей Городецкий (1884–1967) в рассказе «Щелкун» (1914). При этом автор рецензии отмечает, что «игрушка – щелкун, редкая в детском обиходе, чужда и неинтересна

[малышам]»⁴. Сюжет рассказа довольно незамысловатый: в детскую приносят новую игрушку, Щелкуна. Старые игрушки с удивлением рассматривают его и пугаются, когда он раскусывает орех, оказавшийся пустым.

В традициях немецкого Рождества написан рассказ для детей «Приключения Фрица (В ожидании елки)» (1912) писательницы Марии Юрьевой (настоящее имя М.Е. Еллинская, 1837–1910). Уже в названии можно упоминается имя персонажа гофмановской сказки о Щелкунчике, Фрица (Штальбаума), и дается краткая обрисовка начальной ситуации. В экспозиции рассказа, как и у Э.Т.А. Гофмана, дети томятся перед запертой дверью в ожидании, когда же им можно будет войти в зал с елкой. Далее тетя усаживает детей на диван и начинает рассказывать им историю о маленьком Фрице, который, не в силах больше ждать елки, уходит из дома. Увидев в одном из окон зажженную елку и получив приглашение войти, он попадает в исправительный пансион для всех капризных и шаловливых детей, но вовремя убегает. После скитаний по незнакомым улицам он с помощью Рупрехта находит свой дом, который как раз грабят воры, так как мальчик, уходя, оставил дверь незапертой. Мальчик вбегает в дом, вовремя предупреждает взрослых и ... просыпается. Рассказ о Фрице помогает детям скоротать время в ожидании елки, дети благодарят тетю и идут одеваться. Рецензент заметил, что рассказ совершенно лишен художественности, и назвал его подражанием шаблонным немецким рождественским рассказам. Сам факт появления такого произведения вызвал недоумение: «Мы не удивились бы, если бы это был перевод, но зачем понадобилось госпоже Юрьевой изготовить такую книжку «по немецкому рецепту» и обогатить и без того немалый запас совершенно ненужной литературы подобного типа»⁵.

Очень популярным благодаря Гофману стал мотив оживших игрушек. В издательстве Товариществом М.О. Вольфа «Вестнике литературы» упоминается о выходе в свет книжки «Живые игрушки» (1907) с подзаголовком «Странная история про деревянных людей и деревянных зверей», в которой «рассказываются удивительные приключения деревянных королей, крестьян, солдат и пр., выскочивших из подаренной мальчику коробки»⁶.

В марте 1913 года в издательстве И. Кнебеля вышла сказка «Игрушки», написанная поэтом, критиком и педагогом Борисом Диксом (настоящее имя Б. Леман, 1882–1945). Герой сказки, мальчик Коля, в сопровождении игрушки «Вам поклон» спускается в царство, где его встречают ожившие игрушки.

Продуктивным для русской литературы начала XX столетия оказался и мотив страны сладостей. Галина Галина (Г. Эйнерлинг, 1870–1942) в сказке «Сахарный принц и пряничная принцесса» (1904) открывает читателям мир, где кондитерские изделия живут своей жизнью, обладают характерами и способны испытывать чувства: сахарный принц и пряничная принцесса счастливы вместе, им завидует сухой крендель – ворчливый старый холостяк. Юные читатели узнают, что «*маленькое миндальное сердце*» Принца «*было отважно и полно любви*»⁷, пряничное сердце Принцессы способно болеть и ныть, а старый крендель способен испытывать лишь злобу и зависть.

Однако двоимирия в гофмановском смысле мы здесь не найдем. Этот маленький мир существует в кондитерской параллельно миру людей, но его благополучие во многом зависит от представителя человеческого мира – кондитера. Уже в самом начале сказки кондитер выступает в роли демиурга-создателя: рассказчик отмечает, что герои – Принц и Принцесса – «*только что вышли из рук кондитера*». Трагический исход битвы объясняется рассеянностью кондитера, который «*забыл придумать ему [Принцу] сахарный меч*», а счастливый финал сказки был бы просто невозможен без вмешательства кондитера, который как *deus ex machinae* оживляет Принца, пострадав-

шего в схватке с мышинным царем. В то же время образ кондитера скорее снижен: как уже упоминалось, он забывчив, а после битвы Принца с мышинным царем на кухню является «перепуганный шумом заспанный кондитер в ночном колпаке».

На влияние немецкого сказочника указывает также образ антагониста влюбленной пары – мышинного царя. В дореволюционных переводах часто использовалась стратегия доместикации, и мышинного короля называли «царем». Описание мышинного царя у Г. Галиной иронически заострено: «сам грозный владыка подполья — мышинный царь с короной из блестящего олова и в прозрачном плаще из колбасной кожицы». Как реминисценцию на сказку Гофмана можно рассматривать и фразу мышинного царя: «ты будешь царицей подполья, будешь жить <...> среди вечных пиров из сыра и колбасы!», наводящую на мысль о колбасном пире по случаю рождения принцессы Пирлипат.

Счастливым финалом сказки представляется довольно искусственным: кондитер снов придумал голову Принцу, а злой крендель «развалился от досады». В заключительном предложении содержится намек на традиционную для немецких сказок концовку: Und wenn sie nicht gestorben sind, dann leben sie noch heute (досл.: и если они не умерли, то живут и по сей день). В финале сказки сказано, что Принц и Принцесса «стоят еще и теперь – постаревшие, высохшие, но улыбающиеся друг другу все той же ласковой, нежной улыбкой». Эта «поправка на время» у Г. Галиной – спор со сказочной традицией, где за пределами сказочного действия ничего не происходит.

Иначе реализуется мотив царства сладостей в сказке С. Городецкого «Сластена» (1915). Знаменателен тот факт, что сказка вошла в рождественский альманах «Огонек». Ее расценили как «наивный милый пустячок»⁸, создающий рождественское настроение. Сюжет «Сластены» напоминает путешествие Мари Штальбаум по сказочной стране: Маленькой Ане накануне сочельника снится, что она – царевна Сластена, а сон везет ее по Мармеладной речке на Хлопушечный завод. Все кругом очень красивое и аппетитное, но трогать сладости девочке пока нельзя. Когда девочка не выдерживает этого испытания и протягивает руку за лакомством, она просыпается.

Тот же прием, когда с ребенком случается что-то необычное, оживают вещи, а затем юный герой просыпается, использует и Лидия Чарская (Л. Чурилова, 1875–1937) в своей книге «Вовик: полусказка-полубыль» (1909)⁹.

Мотив битвы с мышами использует поэтесса Поликсена Соловьева (1867–1924), сестра философа В. Соловьева, в своем рассказе в стихах «Кукольный дом» (1916)¹⁰. Мыши являются в домик в отсутствие его хозяек – кукол Юли и Дуняши, но, не найдя ничего съедобного, в ярости переворачивают все вверх дном и уносят с собой часть кукольного имущества. История имеет счастливый финал, однако выглядит он не особенно правдоподобно: мышей начинает мучить совесть, и они берут на себя заботу о кукольном доме, где теперь водворятся образцовый порядок. В рецензии, опубликованной в 1916 году в журнале «Новости детской литературы», данное произведение охарактеризовано как «неправдоподобная и отнюдь не забавная история, в которой форма успешно состязается с содержанием в смысле отсутствия положительных данных»¹¹.

Что касается отдельных элементов поэтики гофмановской сказки, то некоторые русские беллетристы вслед за Э.Т.А. Гофманом для создания определенной атмосферы используют звукоподражательные слова. Эта особенность сказки Э.Т.А. Гофмана была отмечена еще в первой половине XIX века. Поэт, беллетрист и переводчик В. Олин называл Гофмана Патриархом «всех страшных шелестов, всех образов и фигур фантастических»¹². Ту же особенность поэтики сказок Гофмана отмечал и А. Григорьев, который в своих «Воспоминаниях» (1862) писал: «... в четырнадцать

лет, начитавшись еще, кроме того Гофманом, я истинно мучился по ночам на своем мезонине <...>. Лихорадочно-тревожно прислушивался я к бою часов, а они же шипели и сипели страшно неистово, и засыпал я всегда после двенадцати, после крика предрассветного петуха»¹³.

Г. Галина обставляет появление мышиноного царя в духе Гофмана – с помощью звуков и звукоподражательных слов: «В темном углу кондитерской послышался шорох, писк, что-то затоптало по полу, и на окне, прямо перед испуганной Принцессой, очутился сам грозный владыка подполья ...». П. Соловьева в строфах «мышьи бегали, пищали, / все тащили, разбивали» использует звуковые повторы шипящих «ш» и «щ», а также гласного «и», что позволяет представить шорох и писк мышей.

Таким образом, в XIX – начале XX века наблюдается творческое освоение гофмановского сюжета и образности, при этом часто предпринимаются попытки «пересадить» их на русскую почву. Переделки и подражания, героями которых выступают русские дети, принимаются критикой более благосклонно. Напротив, те произведения по мотивам Щелкунчика, где используются чуждые русской культуре реалии, вызывают недоумение или отрицательную реакцию критики.

В произведениях талантливых авторов начала XIX столетия (А. Погорельский, В. Одоевский) влияние Гофмана не перерастает в простое подражание, а позволяет создать оригинальные произведения, ставшие близкими и любимыми русскими читателями.

Ряд литераторов «второго плана», ныне забытых, пытается использовать сюжет и отдельные мотивы сказки Э.Т.А. Гофмана «Nussknacker und Mäusekönig», однако их произведения остаются лишь подражанием немецкому сказочнику либо воспринимаются как переделки. Критиками отмечается искусственность такого рода произведений. Примечательно, что в рецензиях на эти произведения, несмотря на явное сходство, ни имя Э. Т. А. Гофмана, ни название сказки даже не упоминаются, несмотря на ее известность и наличие большого числа переводов на русский язык.

Примечания

¹ Тиманова О.И. Жанры календарной словесности и русская литературная сказка XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – № 315 – С. 29.

² Цит. по: Левин Ю.Д. Об исторической эволюции принципов перевода // Международные связи русской литературы. – М.; Л., 1963. – С. 16–17.

³ Принц Щелкун и принцесса Орешинка. Сказка для детей среднего возраста. – Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1912. – 19 с.

⁴ Новости детской литературы : Критико-библиографический ежемесячный журнал. – 1915. – № 6. – С. 13.

⁵ Там же. – 1913. – № 7. – С. 20.

⁶ Вестник литературы : Иллюстрированный журнал словесности, науки и библиографии. – 1907. – № 12. – С. 12.

⁷ Здесь и далее текст дан по: Галина Г. Сахарный принц и пряничная принцесса : Сказка для маленьких детей // Актиноя [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Б. г. – Режим доступа: http://aktinoya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=211:2012-03-16-11-56-17&catid=67:2011-11-18-09-03-13&Itemid=163. – Дата обращения 02.07.2012.

⁸ Новости детской литературы. – 1915. – № 3. – С. 22.

⁹ Чарская Л.А. Вовик. Полу-быль, полу-сказка. – СПб.; М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1909. – 24 с.

¹⁰ Соловьева П. (Allegro). Куклин дом. Рассказ в стихах. – Изд. Троп., 1916. – 74 с.

¹¹ Рецензии на детские книги // Новости детской литературы. – 1916. – № 7 (сент.). – С. 15–16.

¹² Олин В.Н. Станционная беседа (Вступление) // Русский круг Гофмана / Сост. Н.И. Лопатина. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. – С. 77.

¹³ Григорьев А.А. Из «Воспоминаний» // Русский круг Гофмана / Сост. Н. И. Лопатина. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. – С. 160.